

В императорском дворе юные принцы краем уха слышали от своих матушек о «крутом нраве и жестокости» двенадцатого принца Юнцзи. Однако большинство лишь отмахивалось от этих предостережений. В конце концов, Иньжэн уже давно не показывал когтей, а императрица Нала держала дела во дворце Икунь под железным контролем, не допуская ни малейшей утечки. К тому же Императорская благородная супруга Шуцзя, некогда столкнувшаяся с ним и знавшая силу его хватки, давно покинула этот бренный мир, а благородная супруга Чунь почти позабыла о методах двенадцатого принца. К тому же подковерная борьба в Обители принцев пока не велась самими юношами напрямую — они лишь подливали масла в огонь чужих интриг. Да и Хунши всегда заслонял собой брата, так что в глазах придворных двенадцатый принц казался лишь грозной маской, пустой оболочкой, чья былая репутация человека, «не прощающего ни малейшей обиды», изрядно поблёкла.

Впрочем, кое-кто всё же помнил, насколько опасным и невыносимым мог быть этот царственный юноша. Двое старших сыновей покойной Императорской благородной супруги Шуцзя до сих пор не забыли щелчки по носу, полученные от него в прошлом. Человеческая натура проста: получив удар, каждый мечтает поквитаться и вернуть долг.

Но против обаяния двенадцатого принца трудно было устоять. Его удлинённые, чуть приподнятые у висков глаза-фениксы приковывали к себе внимание с первого взгляда — стоило ему повести бровью, как собеседник застывал, не в силах отвести взор. А уж когда он улыбался — робко ли, простодушно ли — у любого язык не поворачивался сказать ему колкость.

Одиннадцатому принцу Юнсину под горячую руку Иньжэна попадать не приходилось. Старший брат всегда служил ему щитом, а признаваться в собственных неудачах не спешил: получить щелчок по носу от мальчишки на пять лет младше — позор несмыаемый. И вот теперь, глядя на робкого Иньжэна, напоминающего беззащитного белого кролика, вслушиваясь в его вкрадчивый, мягкий голосок и встречая полный надежды взгляд, Юнсин окончательно растерялся. Возразить он не сумел и лишь безвольно кивнул, соглашаясь на его просьбу.

Добившись своего, Иньжэн не поскупился на сияющую улыбку. Все, кто её видел, на миг опешили, а оказавшийся ближе всех Юнсин и вовсе застыл истуканом. Опомившись, он густо покраснел и поспешно зашагал к парте, изначально предназначавшейся для Хунши.

Добравшись до нового места с кашей в голове, одиннадцатый принц медленно приходил в себя. Мысли прояснились, и Юнсин с ужасом осознал, что свалил дурака. Ведь это его собственный брат выстроил хитрый план — усадить Хунши прямо позади раба-боои, а сам Юнсин стоял рядом и прилежно наматывал на ус премудрости дворцовых козней... И что теперь? Неужели он позволил смазливому личику затмить свой разум?

Восьмой принц Юньсюань, видя, как его простодушного брата обвели вокруг пальца, яростно уставился на Иньжэна. Однако он увидел торжествующую полуулыбку двенадцатого принца. Юньсюань на мгновение оцепенел, но тут же резко отвернулся и уставился в раскрытую книгу, мысленно костеря себя за малодушие. Надо же было так опростоволоситься и засмотреться на

этого паршивца!

У Иньти от такой сцены едва дыхание не перехватило. Нахмурившись, он осуждающе уставился на Иньжэна.

"Баочэн, ну и приёмы у тебя!"

Иньжэн в ответ лишь победно прищурился, шнырнув на него лукавым взглядом.

"А разве плохой способ? Дешево и сердито!"

Иньти поперхнулся уже по-настоящему и глухо раскашлялся в кулак.

К счастью, все присутствующие в этот момент пытались совладать со своими чувствами, так что на их безмолвный диалог никто не обратил внимания.

Иньжэн же окончательно возгордился своим успехом — в его повадке и взгляде сквозило прежнее, ничем не стесненное величие царственной особы.

Глядя на него, Иньти лишь покачал головой с безмолвной, тёплой улыбкой. Он ощутил глубокую, щемящую тоску по былым временам.

Хунши за те семь лет, что провёл бок о бок с Иньжэном, тоже до конца не привык к этой улыбке — всякий раз сердце у него на миг замирало. В будни двенадцатый принц держал себя в узде, стараясь казаться скромным, но стоило ему искренне улыбнуться, как это преображение моментально приковывало к себе взгляды окружающих.

Заметив выражение лиц присутствующих, Хунши всерьез призадумался: не пора ли намекнуть Иньжэну, что разыгрывать роль серой мыши ему больше не под силу? Пожалуй, пришло время сбросить маску и явить миру свой истинный облик.

Хунши не сводил глаз с кузена, а тот увлеченно раздумывал, как поизящнее оправдать свою выходку перед наставниками. Из-за этого оба проглядели тень сложных, противоречивых чувств, промелькнувшую во взгляде Иньти.

Когда улеглось минутное замешательство, все вернулись к прерванным делам, точно ничего и не произошло. Иньжэн усадил Хунши у самого окна. Тот окинул класс взором и тихонько вздохнул.

"Императорская школа... Всё изменилось: иные лица, иные судьбы, лишь былая тоска берedit душу"

Он посмотрел дальше и на мгновение замер, глядя на первую парту.

"Брат Хунси..."

Хунши зажмурился, подавляя внезапный приступ щемящей грусти, и принялся изучать своих соседей. Впереди сидел шестой принц Юньжун, по правую руку расположился Иньжэн, а со спины высилась могучая фигура его соученика-компаньона Минжэня. Заметив, как наискосок от него Иньти посмеивается, Хунши бросил на него победный взгляд.

"Что, завидно? Так и быть, завидуй, позволяю!"

Иньти мысленно скрипнул зубами от такой наглости «тринадцатого принца», однако успел заметить мимолётную тень тоски, которую тот не успел скрыть. Куда он только что смотрел? На парту пятого принца? На самое почётное место впереди?

Этот мальчишка определённо близко знал Хунси в прошлой жизни. Тот при упоминании «тринадцатого принца» вечно загадочно щурился, заставляя Иньти мучиться в догадках.

"Ну уж нет, вернусь домой — припру Хунси к стенке и всё из него вытяну"

Иньти перебрал в уме всех отпрысков знатных родов, что подходили по возрасту к прежнему Хунси, но так и не разгадал эту шараду. Кем же на самом деле был этот малец?

Ни для кого во дворце не было секретом: тринадцатый принц Юнцзин — уязвимое место своего старшего брата. Двенадцатый принц берёт его пуще зеницы ока. В былые годы, когда младший был совсем мал, Юнцзи из-за него не раз устраивал бурные сцены. Стоило какому-нибудь слуге проявить малейшую оплошность, как его тут же с позором выставляли во внутреннюю канцелярию. Именно тогда робкий нрав двенадцатого принца в глазах челяди сменился зловещей, пугающей суровостью. Так что его желание усадить брата поближе к себе казалось вполне естественным и избавляло остальных от лишних хлопот. И, разумеется, это послужило превосходным щелчком по носу тем, кто пытался строить козни.

Однако этот день вошёл в историю Императорской школы как самый беспокойный. Император Цяньлун лично привёл в учебные покои новоиспеченную принцессу Хуаньчжу и широким жестом усадил девицу на один из первых рядов!

Присутствующие мгновенно сменили эмоции. Ни одна законнорожденная принцесса не позволяла себе заявляться на учёбу столь бесстыдно и шумно. Но краше всех выглядел одиннадцатый принц Юнсин — его лицо буквально позеленело от злости.

Кое-как справившись с изумлением и нацепив бесстрастные маски, принцы молча наблюдали, как незваные гости разыгрывают перед ними балаган. Глядя на сияющего от удовольствия государя, каждый втайне задавался вопросом: уж не сошёл ли мир с ума и не потекла ли река

вспять?

Придворный ученый Цзи Сяолань и вовсе едва сдерживал слезы отчаяния:

— Ваше Величество, помилуйте! Это же императорская школа, а не балаганный театр! Неужто вы позабыли, под чьими сводами находитесь?

Поняв, куда дует ветер, отпрыски знатных маньчжурских родов замерли как изваяния, уставившись в собственные столы. Внешне смиренные, внутри они лихорадочно взвешивали последствия сегодняшнего переполоха. Ведь в этих стенах они получали не только книжные знания, но и первые уроки большой политики.

Наиболее проницательные из учеников украдкой поглядывали на девятилетнего Юнцзи. Похоже, двенадцатый принц долгое время искусно притворялся безобидным ягненком! В последнее время он ушёл в тень, предоставив действовать своему соученику-компаньону Фуканъаню и младшему брату, но сегодняшний его демарш явно свидетельствовал об обратном. Наверняка прознал о скорых переменах и занервничал. И всё же, если учесть непредсказуемый нрав государя, способность двенадцатого принца столь быстро раздобыть нужные сведения говорила о незаурядном уме. Да и то, как ловко братья приручили спесивого Фуканъаня, заставляло задуматься о многом.

Впереди их ждала очередная череда тайных сговоров, интриг и прощупывания почвы.

Иньжэн посмотрел на Юньчэна с полным невинности видом:

— Да чистой воды совпадение! Откуда мне было знать, что у Хунли опять помутится разум и он притащит её сюда именно сегодня?

Цяньлун, восседая во главе зала, прекрасно видел безмолвную перепалку сыновей. Он перевёл взгляд с парты Юнсина на место Юнцзина и снисходительно улыбнулся.

"Подрастают соколы, зубы прорезаются. Впрочем, пока это лишь детские шалости, им ещё расти и расти"

Спустя всего несколько дней императорская школа начала стремительно пустеть. Хотя знатные вельможи не желали, чтобы их наследники пропускали занятия, родительское сердце не каменное: кому захочется подставлять свое чадо под удар? В Императорскую школу потянулась вереница слуг с прошениями об освобождении от уроков по болезни. Наставник Цзи Сяолань уже всерьёз подозревал, что в столице вспыхнула моровая язва. С темными кругами под глазами от недосыпа он упрямо нёс службу в полупустом классе, созерцая лишь кучку главных нарушителей спокойствия.

Вслед за наложницами от выходок принцессы Хуаньчжу взвыли и августейшие отпрыски.

Столкнувшись в Императорском саду с одиннадцатым принцем Юнсином, взбалмошная девица устроила безобразную сцену и столкнула его прямо в пруд. Государь же, вместо того чтобы наказать виновницу, поспешил в Кабинет Очищения Ароматов утешать рыдающую девицу, а вину за случившееся возложил на супругу Шу, объявив ей строгий выговор за скверное воспитание сына. После этого дикого случая принцесса Хуаньчжу окончательно утвердилась в роли полновластной грозы Запретного города. Стоило услышать её звонкий голосок, как придворные и слуги бросались врассыпную.

Последние годы империя не знала бедствий: небо благоволило Поднебесной, посылая обильные урожаи. Цяньлун, обожавший пышные торжества и падкий на лесть, объявил о намерении совершить торжественное жертвоприношение Небу. Едва весть разнеслась по дворцу, умы придворных затуманились тщеславными помыслами. Попасть в свиту государя во время столь священного обряда считалось вершиной милости!

Во время визита государя в Дворец Продления Счастья Линь-фэй, пятый принц Юнци и Сяо Яньцзи принялись наперебой улаживать его слух сладкими речами. Слово за слово — и ловкая девица выпросила себе место в священной процессии.

Придворные круги и обитательницы гарема зашлись в едином порыве негодования. Узнав об этом, Инъжэн впервые с момента своего перерождения в ярости разбил чашку о пол. Хунши с треском сломал зажатую в пальцах кисть, а Инъти лишь горько усмехнулся, покачав головой: Хунси передал из внешнего мира, что даже нестигаемый Фуча Фухэн уступил давлению императора. Эта девица оказалась куда изворотливее, чем они думали.

Сам Цяньлун позже усомнился в разумности своего шага, но гордость самодержца не позволяла ему идти на попятную перед подданными. Заглушив ропот советников, он непреклонно велел готовить выезд для принцессы Хуаньчжу.

Похоже, душевное перенапряжение последних недель подкосило здоровье императора. На обратном пути он сильно простудился. Кое-как добравшись до дворца в полузабытьи, государь впал в глубокое беспамятство, и над Запретным городом вновь нависла зловещая тень хаоса.

В поместье третьего принца Юньчжана угасала жизнь. Царственный юноша едва дышал, но на его изможденном лице читались покой и тихая радость долгожданного избавления.

Вернувшись в свою резиденцию, четвертый принц Юньчэн при попытке сойти с коня оступился и тяжело рухнул на руки подбежавших слуг. Сознание покинуло его, погрузив усадьбу в неописуемое смятение.

Шестой принц Юньжун, пригубив вина и слегка захмелев, заперся в одиночестве в своем кабинете.

Восьмой принц Юньсюань, чье сердце разрывалось от гнева из-за несправедливой обиды, нанесенной его младшему брату, неотлучно дежурил у постели больного одиннадцатого принца Юнзина, пока усталость окончательно не сморила его.

Сам же одиннадцатый принц, пострадавший от безумной выходки принцессы Хуаньчжу, после многодневного жара наконец пошёл на поправку и мирно уснул.

Шёл двадцать пятый год правления под девизом Цяньлун. Небо молчало: ни добрых предзнаменований, ни грозных знамений не явилось миру. Но именно это затишье стало предвестником грядущей бури, готовой навсегда перекроить судьбу империи.

Колесо сансары совершило очередной неспешный оборот. Боги взирали с небес со скорбным состраданием, безмолвно созерцая круговорот земных страстей, людских горестей и мимолетных радостей.

<http://bllate.org/book/18338/1862559>